

Оглавление

Картина 1. Путешествие к телу вождя	8
Картина 2. Володька-таксист	13
Картина 3. Кипяток I.....	22
Картина 4. Кипяток II	25
Картина 5. Кипяток III	41
Картина 6. Барочные танцы	48
Картина 7. Сало и метафизика.....	59
Картина 8. Союз единомышленников будущего.....	65
Картина 9. ЖК «Старая Москва»	71
Картина 10. «На периферии Москвы»	76
Картина 11. Украденная «Ай-Петри. Крым».....	81
Картина 12. Выписка из анамнеза.....	86
Картина 13. Радио	98
Картина 14. Закладка	138
Картина 15. Ютуб.....	141
Картина 16. Полуостров Сахалин	151
Эпилог	159

ФÓЛИЯ (португальский — folia, букв. «шумное веселье») — старинный португальский танец конца XV века. Фолии танцевали мужчины, переодетые в женщин: они вели себя шумно и дико, будто лишились рассудка, откуда и название.

КАРТИНА 1. ПУТЕШЕСТВИЕ К ТЕЛУ ВОЖДЯ

(Сияние)

27 января. Приезжаю на Белорусский вокзал. Выхожу в город. Иду по Тверской-Ямской, затем по празднично-нарядной в будний день Тверской. Похорошела столица! Прямо на улице висят картины: репродукции, конечно, а не подлинники, для всеобщего обозрения и просвещения. «Вид Одессы в лунную ночь», «Садко», «Ладожское озеро», «Неаполитанский полдень», «Пристань в Гурзуфе»... Хорошо в Крыму летом! Радостно и весело иду по Моховой к сторевше-восстановленному Манежу. Закрыт?! Поворачиваю налево, через Театральную площадь к Лубянке. В XIX веке в центре площади был фонтан, затем памятник Дзержинскому, а после того, как мы в первый раз потеряли Крым и всю страну вместе с ним, — пустота. Зияющая пустота на Лубянской площади. Метафизически-архитектурное небытие...

Пересекаю площадь под землей. Иду по Мясницкой к Бульварному кольцу, кланяюсь ему — живому памятнику садово-паркового искусства. Ох, оживленна столица, подвижна, суетна! Вперед, к Садовому кольцу и к Казанскому вокзалу. Спрашиваю в кассах билет Москва — Симферополь. Поезда так и не перезапустили, с тех пор как Крым повторно потерян? Взорван мост? Шутка какая-то идиотская. Так хочется домой в Феодосию! Спускаюсь в подземелье. Растворяюсь в толпе и прижимаюсь к фигурам. К безымянным людским фигурам. От сияющей люстрами станции «Комсомольская», ежедневно с 05:30 наполненной шумящими толпами потомков

ударников-комсомольцев из пригородных электричек, сквозь чрево тоннелей к аскетичному Охотному ряду. Перехожу на Площадь Революции, трогаю собачий нос, начищенный до блеска человеческими руками. Это на счастье, это принесет мне удачу! Выхожу на поверхность. Празднично-подсвеченная Никольская: здесь новогодние гирлянды будут сверкать даже поздней весной.

Иду поклониться телу вождя. Сияющему лику лысого революционера. Создателю *нашей* советской родины. К нему пускают всего лишь на три часа в день, чтобы тело не испортилось, чтобы его не просквозило, чтобы погребальная кукла, не дай бог, не простыла. Китайские туристы идут в Мавзолей поклониться вождю, европейские — поглазеть на мумию, а бывшие советские — посмеяться и поплакать. Для меня это личное, особое воспоминание: портрет «дедушки Ленина» помню с детства, он висел в моем детском саду. Я плачу, даже рыдаю. Навсегда, навсегда со мной его лучезарная, широкая и светлая улыбка. Да благословит она меня! Да поможет он мне! Я слышу его ободряющий голос!..

Выхожу и смотрю на собор Василия Блаженного, символ столицы, всей моей страны! Наполеон, когда его увидел, спросил: «Что это за мечеть?» Он не понял нас сразу: понял потом, у Березины... Вброд — через реку.

Возвращаюсь в метро. Красная ветка — первая, лучшая, великолепная Сокольническая ветка... «Охотный ряд», «Библиотека имени Ленина», «Кропоткинская». Надо мной — Дворец Советов с 900-метровой статуей вождя мирового пролетариата. У подножия разлился красавец-бассейн. Вождь купается в бассейне. Старый и новый, блестящий куполами храм. Когда же будет разрушение Второго храма? Новая русская Стена плача? Она будет покрыта мрамором из Крыма, подобно колоннам станции метро «Парк Культуры». Поднимаюсь,

вижу флорентийскую мозаику с изображением усатого «буревестника революции». Выхожу на поверхность. Меня ждет лучший в мире Парк культуры и отдыха имени Горького! Создан государством для трудящихся в 1935 году. Пионерский пруд, каток, памятник Дзержинскому и статуя «Девушка с веслом». Славный год, год запуска самого первого в стране Московского метрополитена имени Кагановича. Советская символика пронизывает весь город, всю страну, каждое сердце. Впереди Крым — жемчужина империи. Я иду к нему по Крымскому мосту!

Крымский мост. Мой любимый, ослепительный, неповторимый мост. Сверхпрочная сталь особой марки предназначалась для возведения Дворца Советов. Я бы хотел слиться с этим мостом, с его пилонами и цепями! Я люблю его стальную конструкцию, его три пролета. Мой мост, ты приведешь меня к своему тезке, к настоящему Крымскому мосту через Керченский пролив! Автомобильный, железнодорожный, 19-километровый красавец. Ты — гордость России. Да, я знаю, тебя хотели построить немцы. Но в 1943-м у них ничего не получилось, а в 2018-м получилось у нас. И теперь по тебе мчатся автобусы, машины и железнодорожные составы. Проехать по тебе — круче, чем выйти в открытый космос. Люблю тебя. Люблю.

Прохожу в парк Горького. Спускаюсь к воде. Закат. Чайки. Рассвет. Солнце восходит ровно в 07:35. Впечатление. Россия сама как один большой мост, только не через воду от земли к земле, а прямо в небо. Слово невысказанное есть ложь. Нужно высказывать свои слова. Я прыгаю. Окунаюсь в воды Керченского пролива — там, где в него впадает Москва-река. Теплая морская вода... Погружаюсь. Слышу чей-то голос. Его голос. Плыви, плыви! Вот амфора из Херсонеса, держи крепче, милый мой, держи!

Голос президента. Родной! Он звучит отовсюду — я люблю его тихие нежные нотки, его доверительно-вкрадчивую интонацию. Он и есть Россия. Да, он знает, чего хочет, и мы подчиняемся ему. Голос не принадлежит мне, но он не чужой, не посторонний для моего сознания. Двадцать лет вместе каждый день по телевидению, по радио, в Сети. Как не заговорить с ним, как не слушать его, как не любить его — голос моего президента! *Иди и возьми его*, — говорит он мне. — *Возьми Крым!*

Иду в Замоскворечье. Любимое место в столице. Настоящая Москва только здесь. Купеческая, щедрая, хлебосольная! Брожу по переулкам: Голутвинский, Спасоналивковский, Старомонетный, Пыжевский, Толмачёвский — какие названия! Наконец-то через Большую Ордынку выхожу к Третьяковской галерее. Когда-то мы платили дань Золотой орде. И Крым был ханством. Айвазовский, Куинджи, Левитан, Коровин... Да, русские художники знали, любили, чувствовали Крым. Их впечатления навсегда с нами на гениальных полотнах. Как были бы они счастливы, если б знали, что 18 марта президент объявил о воссоединении, о метафизическом соитии России и Крыма! Весь наш народ охвачен восторженным порывом. Или не весь?.. Есть и такие! Люди почувствовали себя творцами истории, свидетелями эпохальных событий. А что может быть слаще чувства причастности к великим свершениям?

Государственная дума, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации выражают полную поддержку. Депутаты, затаив дыхание, голосуют за присоединение Крыма и Севастополя.

Стоя голосовать надо, стоя! Депутаты колеблются, кто-то встает, кто-то сидит... Неужели они растерялись или сочли подобный жест неуместным? В такой-то день! Они нажимают кнопки в приложении для голосования,

и через секунду на большом бело-синем экране высвечиваются результаты.

Дыхание замерло... Ждем итогов голосования... Двухцветный экран в зале заседаний высветил:

За445 ч. (98,8 %)

Против1 ч. (0,2 %)

Воздержалось.....0 ч. (0,0 %)

Голосовало446 ч. (0,99 %)

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Крым больше не Украина. Аплодисменты! Решение принято. Принято!!!

Прошу исполнить Гимн России, Гимн СССР! Дружбы народов надежный оплот! Партия Ленина — сила народная! Когда-нибудь члены Госсовета примут закон о начале нового летоисчисления с 18 марта 2014 года. Это будет *День первый*. Начало новой эры. Но сейчас мы его, жемчужину в короне новой Российской империи, потеряли...

Я смотрю на картину. Завораживающие горные вершины! Но теперь мы будем вместе с Крымом навсегда.

И Ильич радостно улыбнулся в своем сияющем хрустальном ковчеге.

КАРТИНА 2. ВОЛОДЬКА-ТАКСИСТ

(Звуки)

Вышел из Третьяковки. Нажал кнопку в приложении. СМС пропищало. Засветился экран телефона. Водитель: Бахтиёр Хурсандиллович... Стоимость поездки: 315 р. Автомобиль: белый «Хендай-Солярис». Не хочу. Сбросил заказ. Выбрал заново. Вас ожидает водитель Владимир Владимирович... Автомобиль: «Вольво». Стоимость поездки: 443 рубля. Время ожидания: 5 минут.

В последнее время я заартачился. Перестал внимательно считать деньги. Стал выбирать «Убер селект». Там, где со славянскими именами и фамилиями. Ну ее, эту Среднюю Азию! Узбеки с таджиками русского не знают, по городу не ориентируются. Правил не знают. А мне за город ехать.

— *Заказ в Заречье, Одинцовский район?*

— *Да!*

— *Садитесь, садитесь. Поедем в Замкадье.*

— *Сверток — в салон?*

— *Нет, лучше в багажник. Там ничего ни ценного, ни хрупкого.*

— *А чего там суета-то такая, полиция шастает, проверяют всех?*

— *Шубу вроде ищут, похитили дорогую у какой-то модницы.*

Ошибка я совершил сразу, конечно, серьезную, что сел вперед. Назад надо садиться: тогда ты пассажир, клиент, хозяин и Бог. А тут ты просто приятель, дружок, которого из любезности катают по городу. Дистанцию надо держать с ними. Водитель тут же почувствовал, что ее, дистанции этой социальной, нет.

«Вольво» был далеко не новый, потертый, но смотрелся ухоженно. Прямо как у Ингвара Кампрада, подумал я. Тот себе мог купить целый завод «Вольво», а ездил на стареньком, подержанном. И этот тоже экономит.

Таксист мило, как-то вкрадчиво улыбнулся. Боже мой, какое невыразительное лицо! И имя-то какое скучное — Владимир Владимирович. Родители, видимо, по Маяковскому прикалывались. Или по Набокову. Или по... Тронулись. Не успел я сесть и пристегнуться, как он начал без умолку говорить.

— *Хорошо, что вы за МКАДом. Я в центре случайно оказался, вообще стараюсь заказы туда не брать никогда. Там камеры. Штраф на 3 рубля пришел, и все, день зря отработал. А я не какой-нибудь Бахтиёр, себе в убыток не работаю! Я Владимир Владимирович! Меня знаешь как все коллеги-друзьки называют? Володька-таксист. Все друзья, все корешки. Ха-ха! Знаешь, как я в таксисты пошел? Служил в Германии, страна распалась, уволили. Приехал в Ленинград. Работы нет никакой. А я привез из загранки «вольво», шикарный автомобиль! Да так и таксомоторил на нем много лет. Дочери в ней выросли. Взрослые уже... две козы! Я им говорю: «Времени на раскачку нет! Поступайте в вуз, дуры! Учитесь». А они мне: «Вот ты сколько учился, и все равно шофера, хоть и юрист дипломированный». «Ну, — отвечаю, — я — это другое дело: СССР распался. Катастрофа века. Какую карьеру мог в Германии тогда сделать... Эх, славное было время!..»*

Я молчал и только с удивлением отметил про себя, что едет он по старинке, по памяти — без навигатора, который ровным металлическим голосом объявлял бы все повороты и ограничения скорости.

«Да вы не смотрите, что навигатора нет, дорогу-то я знаю отлично, не то, что эти таджики-узбеки-киргизы!»

А как же, частенько сюда приходится ездить, частенько. Столько домов понастроили, столько народу понаехало. И Солнцево, и Ново-Переделкино, и Рассказовка, и Трёхгорка! Всех вас знаю. А Одинцово! Плотность населения будет повыше, чем в Гонконге. Почти семь тысяч человек на квадратный километр! И в Сколково бываю. Сколько уж раз ездил. Сколько заказов выполнил-перевыполнил, и всегда на пять звезд. Вы мне тоже поставьте, ла-а-адно?»

«Хорошо в Феодосии летом! — говорю ему. — И чай подслащенный дают в столовых!»

«Это да, конечно, хорошо там... — отвечает Володька, несколько смутившись. — Вы, наверное, про пять звездочек не так поняли, это не про коньяк. В приложении у нас оценивают и чаевые дают. Меня почти все любят, сколько уж друзей-клиентов перевозил. И Внуково-аэропорт. Как расцвел, красавец! И Внуково-1, и 2, и 3... Сам президент, Алексей Анатольевич, там летает!»

При слове «президент» Володька смачно вытянул узкие бледные жеваные-пережеванные губы и мечтательно закатил глаза. Я продолжал молчать, Володька — свой речевой поток. Речь его была стремительна, как зимбабвийский водопад Виктория, бессодержательна, как вода из-под крана, приторна, как запах вентиляции метро. Мерное ее журчание было способно загипнотизировать и мягко свести с ума.

«А как запустили 17 лет назад электрички-то с вокзала Киевского — экспрессы до аэропортов, — думал, все: конец бизнесу моему. Пассажир у нас небогатый, экономит на всем, поедет он на поездах, а не на такси. Но есть палочка-выручалочка. Люди наши с детишками. Я страсть как детишек люблю! Как увижу какого карапуза, сразу поцеловать хочу... в животик там или в макушку! Особенно люблю за то, что родители о комфорте дитячьем пекутся. Так для меня это первейшее

дело. *И возникла-нарисовалась так у меня перспективка. Вон, поглядите как».*

Я оглянулся. Сзади, слева от водителя, виднелось протертое детское кресло: да так, и не кресло даже, а подставочка под детское тельце, бустер.

«А креслице детское у меня волшебное. Денежку приносит. Заказ поступает с детишками, этот таксист отказался, тот отвалился, а я тут как тут. Родное креслице. Не одна детская попочка-то его протерла. Раз заказ, два заказ — детское нужно, — пожалуйста, где пятисоточку цепану, где тысчоночку. Всегда выручает. А когда в сезон, жарким летом отпускным или на новогоднюю седмицу праздничную, так и две штуки в багажнике-то лежало. Раньше я своих дочерей катал. Две дочки у меня, красавицы. Да уж выросли, выпорхнули из гнезда-то родительского... в МГУ теперь...»

Володька погрузился в приятные воспоминания и замолчал. Неужто заткнется наконец, подумал я. Еще 40 минут вместе ехать! Но этот тип и не думал умолкать.

«Места только мало для детского креслица. Не помещается в багажник. Пассажирам-то еще надо чемоданы везти. Ага, а в багажнике у меня газовый баллон! Газ-то подешевле бензина будет, экономим, как можем. Нельзя его там держать, установлен по левому, нас гайцы прямо на заправках и отлавливают. А мне на бензине кататься резона нет, пока “Уберу” заплатишь, пока штрафы — и все 250 километров за день зря намотал. В ноль уйду, а то и в минус. То ли дело на газу! Ох как люблю я на газу ездить! У меня знаешь какие специалисты по монтажу газового оборудования? Два брата — Аркадий и Борис. Хочешь, тебе тоже газовый баллон поставят в багажник? Артисты настоящие газовых дел! Ха-ха!»

Кутузовский проспект превратился в Можайское шоссе, с Можайки съехали на МКАД, полтора километра

всего по нему. До дома оставалось минут десять. Господи, почему я отказался от Средней Азии, какой же этот русский болтливый! Такой может четыре часа подряд трепаться, не выходя в туалет, и ведь не надоест.

«Вот мечта у меня — подкопить еще тысячу 350 и взять “Форд-Мондео”. Новенький. Тот “вольво” из Германии заменить пришлось, опять подержанный “вольво” взял. Потом еще один: запретили нам законодательно на совсем старых автомобилях пассажиров в такси возить. Но ведь не всю же жизнь на старых “вольво” мне ездить? “Мондюк”, он не подведет. Хорошая машина, классная. Я всегда “американцев” уважал. Буду к своим в Питер ездить на нем. Родственники у меня там, коreshки. Одно удовольствие. Вот она, мечта.

С супругой только своей, Любкой, развелся давно. Переживал. Не выдержала она темпа жизни московского, ритма столичного. Но куплю “Мондюк” — может, опять сойдемся. Успокоюсь, буду вкалывать поменьше. Деньгами-то я ей и сейчас помогаю, не умеет она у меня делать ну совсем ничегошеньки. Питер, знаешь, он такой город... Он не Москва. Знаешь, чем москвичи от питерцев отличаются? В Питере в метро по эскалатору вверх никто не бежит. Точно тебе говорю, точно. Я раньше в Питере и таксовал. Но как в Москву перебрался, так тут и таксую. Живу в Рассказовке теперь, снимаем там комнату. Денег мало, конечно, но мы не унываем. Чего унывать-то. Соседка у меня — татарка, Рушана. Уборщица. Вот у нее и руки, и ноги больные, и из уха гной, но к работе привычна. Раз-два, взялась и впахивает, впахивает, как кобыла! С тряпкой ведь главное войти в рабочий ритм, вот как гребцы на галерах. Раз левым веслом, — Володька повернул руль чуть влево, — раз правым. А то и синхронно раз-два раз-два, раз-два...»

Когда же он заткнется?!

Неожиданно, пока Володька крутил руль то влево, то вправо и даже подтягивал его короткими рывками на себя, машина левым передним колесом наехала на что-то и немного потеряла управление. Володька справился, шоферюга все-таки опытный. Сразу заметил непорядок, вильнул направо, припарковался на аварийке на обочине МКАДа. Колесо спустило! Наехал он, видимо, на саморез или стекляшку, пока изображал, как Рушана унитазы и окна моет.

«*Подождете?*» — спросил он жалостливо, отправляясь за запаской. Пока менял колесо, не переставая что-то шепеляво бормотать, поругивая власть имущих, московские пробки и свою судьбу, закинувшую его из культурной столицы в купеческую, у меня было время перевести дыхание и собраться с мыслями. К счастью, я уже никуда не спешил и был даже по-своему рад вынужденной остановке. *Дело-то* было сделано.

Чуть приоткрыл дверь автомобиля. Поток машин был неиссякаем. Мы растворились в нем. МКАД — это круг километров в сто длиной, по пять полос, с дублерами по семь в каждую сторону и бесчисленные многоуровневые развязки. Грязные и чистые, новые и ржавые, грузовики и малолитражки неслись нескончаемым шумным потоком. Река белых огней — горящих передних фар — навстречу, красных — стоп-сигналов — перед нами. Вот она, городская жизнь: бессмысленная и беспощадная, неслась, шумела, поскрипывала без остановки. Москва высасывала людей из всего бывшего советского мира, маня деньгами, карьерой, перспективами. Северный город с избыточной сексуальностью. Самый стремительный ритм жизни в Европе. Ни моря, ни гор. Ни звезд, ни тишины. Ледяная пустыня.

А Володька болтал, что хорошо бы сейчас к Игорю Ивановичу на сервис, он бы быстро все привел в порядок.

Мы с ним еще в Ленинграде подружились... Я его, конечно, не слушал.

Заскучал по Феодосии. В Одинцово, конечно, поспокойнее, подешевле, чем в Москве, тем более на границе с частным сектором. Но близость столицы и тут сказывается. Город-спутник, чего уж тут. Самая высокая плотность населения в стране, сказал Володька. Как я в нем оказался? Да кто ж в России в столицу не тянется? Родная Феодосия оккупирована, с российским паспортом туда просто так не пустят. Но *теперь* все обязательно должно измениться.

Володька закончил ремонт, вытер руки влажной тряпочкой и сел за руль. Завелся, тронулись, и он продолжил болтать как ни в чем не бывало, будто б вынужденной пятнадцатиминутной паузы и не было.

«Ух! Помню я, с Сергеем Викторовичем и с Игорем Ивановичем!.. Да что уж там, теперь быльем все поросло. Какую державу просрали, какая потеря! Суки америкосы, украинцы! А Крым как потеряли, Крым-то! Уж второй-то раз можно было не упустить...»

Видно было, что за новую потерю Крыма Володька искренне переживал.

«Эпидемия, вирус, — заметил я. — Воспользовались враги нашей слабостью и стратегической недалковидностью. Ничего, вернем, обязательно вернем. Я вообще сам с Феодосии, мне, думаете, не больно?..» А про себя подумал: ну ладно я, крымчанин сам, а тебе-то, Володька, зачем этот Крым уплывший сдался?

Володька, будто услышав мой вопрос, пустился в рассуждения:

«Знаете, как либеральная всякая шваль, предатели родины разглагольствуют: ну зачем тебе, Володька, этот Крым? Тебе бы здоровьем своим заняться, зубы вставить, на автомобиль новый накопить... Ну что вы